DOI: 10.17976/jpps/2015.04.09

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА 2012-2014 гг. И СТРУКТУРА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ю.Г. Коргунюк

КОРГУНЮК Юрий Григорьевич, доктор политических наук, зав. отделом политологии фонда "ИНДЕМ". Для связи с автором: partinform@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 01.11.2014. Принята к печати: 10.05.2015

Аннотация. В статье анализируются итоги выборов в региональные законодательные собрания 2012-2014 гг. с точки зрения концепции электоральных и политических размежеваний, представленной в ряде предыдущих работ автора. Предложены способы решения методологических проблем, связанных с различиями в количестве и составе участников выборов по партийным спискам в разных регионах и, как следствие, несовпадением структур электоральных и политических размежеваний. Поднимается также вопрос о влиянии партийной реформы 2012-2014 гг. на структуру электоральных и политических размежеваний. Автор отмечает, что увеличение числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно – рост числа электоральных размежеваний. Если в некоторых регионах наблюдалось повышение уровня политической конкуренции, то причиной этого было не появление новых участников, а ослабление административного нажима на избирателей. Констатируется также, что обозначившееся в 2014 г. ужесточение требований к участникам выборов повлекло уменьшение числа электоральных и особенно политических размежеваний, однако не отменило общей тенденции к разделению регионов на те, в которых власть по-прежнему жестко контролирует электоральный процесс, и те, в которых ослабление этого контроля привело если не к либерализации электоральной жизни, то к выходу на первый план межклановых противоречий.

Ключевые слова: теория размежеваний; электоральные размежевания; политические размежевания; политические партии; партийные системы; выборы; политические процессы в постсоветской России.

Партийная реформа 2012-2014 гг. привела к резкому росту числа субъектов, имеющих право участвовать в выборах по пропорциональной системе[1]. Это мало сказалось на общем итоге последних, не пошатнув, в частности, доминирования "Единой России", но внесло изменения в том числе в структуру электоральных размежеваний, отражающих особенности восприятия политических реалий массовым сознанием.

Предмет настоящего исследования – анализ итогов выборов в региональные законодательные собрания 2012-2014 гг. с точки зрения концепции электоральных и политических размежеваний, изложенной в ряде работ автора [Коргунюк 2013; Коргунюк 2014; Korgunyuk 2014]. При этом предложенная ранее методика подверглась некоторой корректировке.

Предыдущие исследования проводились исключительно на материалах выборов в Госдуму, у региональных же выборов есть своя специфика. Прежде всего, их по-

[1] О предпосылках, характере и непосредственных результатах партийной реформы см. [Партийная реформа... 2015; Golosov 2012].

вестка существенно отличается от федеральной. Если участники думских кампаний акцентируют внимание на различиях в своих платформах, то во время региональных выборов позиции партий по местным проблемам практически неразличимы.

Тем не менее внедрение пропорциональной системы создало пространство, на котором у партийных игроков регионального и местного уровня нет возможности полностью отрешиться от общенационального бэкграунда. Независимо от уровня выборов избиратель в гораздо большей степени ориентируется на федеральных, а не на региональных партийных лидеров.

В связи с этим в качестве исходного предмета изучения были взяты итоги выборов в региональные собрания по пропорциональной системе. Распространить исследование на кампании местного уровня не позволяет отсутствие соответствующей статистики. Для регионов же она осталась практически неизменной с думских выборов 2011 г.: ее источниками являются материалы всероссийской переписи 2010 г., сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2010-2011 гг. и базы данных показателей муниципальных образований Росстата[2].

1. Исследовательская методика

Первый шаг в процедуре исследования остался прежним – выявление посредством факторного анализа структуры электоральных размежеваний в каждом из субъектов РФ[3]. Единственное новшество на данном этапе по сравнению с выборами 2011 г., в которых участвовало всего семь партий, касается отсева участников. Обычно барьер отсечения устанавливается на уровне 3%[4], однако в российских условиях это слишком высокая планка – ориентация на нее приводит к отсеву ряда игроков с ярко выраженным идеологическим лицом. Поэтому было решено снизить барьер отсечения до 1%, а в отдельных случаях и до 0,5%.

Еще сложнее обстоит дело со вторым шагом – сопоставлением полученных на первом этапе результатов со структурой политических размежеваний. Структура политического пространства определяется путем изучения материалов партийной агитации и выделения вопросов, вызвавших наиболее острую полемику между различными политическими силами. Позиции партий по каждому из таких вопросов оцениваются по шкале от -5 до +5; полученные результаты подвергаются факторному анализу. Выявленные таким образом факторы с собственным значением выше единицы трактуются как политические размежевания.

Данная методика может быть использована для выборов любого уровня, но применительно к думским не возникает трудностей при переходе с федерального уровня [Коргунюк 2013; Korgunyuk 2014] на региональный [Коргунюк 2014], поскольку состав участников от региона к региону не меняется. На выборах же в региональные собрания в каждом случае складывается уникальный состав участников.

Это создает ряд проблем, одна из которых заключается в выяснении того, что представляет собой политическая повестка дня. Поскольку на региональном

[2] База данных показателей муниципальных образований. – *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики*. Доступ: http://www.gks.ru/dbscripts/munst (проверено 24.05.2015).

[3] Подробнее о процедуре в целом см. [Коргунюк 2013].

[4] В частности, Д. Слайдер, В. Гимпельсон и С. Чугров брали в расчет результаты только тех избирательных объединений, которые получили по партийным спискам более 4% голосов [Slider et al. 1994: 724-725].

уровне различия в платформах участников минимальны, сосредоточивать внимание приходится именно на федеральной повестке, которая формируется в первую очередь парламентскими партиями. Участие в ее обсуждении других игроков носит ограниченный характер – из вновь созданных организаций в дискуссию включаются либо идеологические партии, либо партии с (псевдо)харизматическими лидерами, готовыми комментировать любое событие. В итоге попытка определить позицию каждой из партий по каждому из вопросов в большинстве случаев приводит к проставлению в соответствующих графах цифры "0".

Это, в свою очередь, отражается и на результатах факторного анализа. По выборам 2012 г. были изучены агитационные материалы 15 политических партий, по выборам 2013 г. – 25, по выборам 2014 г. – 22. Факторный анализ позиций партий по основным вопросам повестки дня выявил в первом случае пять факторов с собственным значением больше единицы, во втором – семь, в третьем – четыре.

Результат неожиданный, ведь на всех думских выборах с 1993 по 2011 г. политических размежеваний всегда было три, причем первое, как правило, имело социально-экономический характер (социал-патерналисты против либералов-рыночников), третье – авторитарно-демократический (сторонники "сильной руки" против сторонников демократии и политической конкуренции), а между ними помещалось так наз. системное, соединяющее черты первого и третьего и указывающее направление развития системы в целом[5]. Подобное постоянство не зависело от числа участников – по выборам 1995 г. анализу подверглись агитматериалы 17 партий, а результат не изменился: остались те же самые три измерения. Дело, скорее всего, в том, что избирательные кампании федерального уровня заставляют партии реагировать на любые значимые действия конкурентов, предлагая альтернативные решения проблем либо пытаясь перехватить инициативу.

Совершенно иная ситуация складывается, когда большинство участников выборов лишь имитирует политическую деятельность. Их позиции в общей таблице пестрят нулями, а факторный анализ увязает в различиях между маргиналами, каждый из которых обозначился в одном сегменте вопросов и проигнорировал остальные.

Слишком большое количество политических размежеваний означает, что картину политического пространства сложно понять не только отдельному избирателю, но и обществу в целом.

Как уже отмечалось в предыдущих исследованиях, в целом политической интерпретации поддается не более двух электоральных размежеваний. И дело не в российской специфике. В большинстве европейских стран исследователи выделяют, как правило, только два политических размежевания: социально-экономическое и постматериалистическое, в Латинской Америке – те же два, что и в России: авторитарно-демократическое и социально-экономическое [Moreno 1999; Stoll 2004: 44].

Подобная двухмерность политического пространства объясняется, скорее всего, склонностью массового сознания к упрощению картины мира. Большинство успешных игроков придерживаются более-менее жестких позиций только в тех вопросах, в которых они тесно связаны с базовым электоратом.

[5] Подробнее об этом см. [Коргунюк 2013; Korgunyuk 2014].

В остальных случаях они просто пытаются приспособиться к господствующим настроениям. Именно поэтому разнообразие политических измерений (в литературе их число оценивается в диапазоне от пяти до семи [Budge 1993; Hinich, Munger 1997; Lijphart 1999]) обычно сокращается до двух главных.

Третье политическое измерение появляется, как правило, в обществах, переживающих переходное состояние. В 1990-х годах оно возникало, в частности, в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Латинской Америки. В ЦВЕ, как и в постсоветской России, это размежевание было связано с отношением к проводимым политическим и экономическим реформам, в Латинской Америке оно было так наз. либерально-фундаменталистским [Kitschelt 1995; Moreno 1999; Stoll 2004: 44; Clemente 2009].

Появление четвертого, пятого и даже седьмого размежевания способно ввести в замешательство не только избирателя, но и исследователя.

Однако если ограничить число участников выборов только теми партиями, которые активно комментируют актуальные политические вопросы, то политическое пространство возвращается к трехмерности[6]. Правда, иерархия факторов приобретает несколько другой вид: если на думских выборах первым всегда было социально-экономическое размежевание, за ним шло системное и лишь затем авторитарно-демократическое, то на региональных выборах 2012-2013 гг. на первое место выдвинулось авторитарно-демократическое ("Единая Россия" против остальных), на второе отошло социально-экономическое (социал-патерналисты против либералов-рыночников), а на третье – системное.

Такое изменение иерархии политических размежеваний вполне объяснимо. Если в ходе федеральных кампаний партии целенаправленно подчеркивают различия между собой, поднимая "вечные", мировоззренческие, вопросы, то во время выборов в региональные собрания они живут обыденной жизнью, откликаясь в основном на текущую политическую рутину. А таковая в 2012-2013 гг. состояла в "закручивании гаек" и форсированном принятии репрессивного законодательства.

В 2014 г. политическое пространство изменилось еще более радикально. События на Украине вывели на первый план системное размежевание – между "империалистами" и "антиимпериалистами" (в последнем лагере собрались исключительно либеральные партии). Первые приветствовали присоединение Крыма, называли киевские власти "хунтой" и "бандеровцами", обвиняя их в геноциде "населения Юго-Востока"; вторые, напротив, осуждали "аннексию" и настаивали на том, что Россия ведет необъявленную войну против Украины, а российское телевидение дезинформирует российское население о реальном положении дел. Другими словами, именно в этом размежевании наиболее четко обозначилось противостояние "самобытников" и "западников" относительно путей дальнейшего развития страны.

Таким образом, основные политические измерения остались теми же, но их иерархия заметно изменилась.

Еще одна проблема заключается в том, что различие в составах участников региональных выборов создает разные конфигурации политического пространства,

[6] Для 2014 г., впрочем, эта проблема была уже не столь актуальна – достаточно было исключить из списка всего одну партию, избегающую четкого обозначения позиции по "украинскому вопросу", и политическое пространство вновь становилось трехмерным. События на Украине заметно упростили расстановку сил в стране, сделав ее "черно-белой".

что сказывается, в частности, на количестве политических размежеваний, на их содержании и отчасти – на их иерархии. В 2012 г. число политических размежеваний в разных регионах составляло четыре, в 2013 г. – от двух до пяти. В 2014 г., когда власть от поощрения новых игроков вернулась к политике их "оптимизации", число политических размежеваний резко сократилось: лишь в четырех из тринадцати оно дотянуло до привычных трех, в остальных остановилось на двух.

В условиях отсутствия "эталонного" набора политических размежеваний, с которым можно было бы сравнивать картину электоральных размежеваний в разных регионах, было решено изменить методику и сопоставлять факторные нагрузки каждого из электоральных размежеваний с факторными нагрузками тех политических размежеваний, которые можно интерпретировать как авторитарно-демократическое и социально-экономическое. При анализе данных 2014 г. к этим двум размежеваниям было добавлено третье – системное ("украинское").

Третий шаг – сопоставление факторных оценок электоральных размежеваний посредством пошаговой линейной регрессии с показателями факторов социальной стратификации, которые были определены путем факторного анализа данных муниципальной статистики по каждому субъекту Федерации. Наибольший интерес для настоящего исследования представляют модули стандартизированных бета-коэффициентов, выявляющих связи между электоральными размежеваниями и четырьмя главными факторами социальной стратификации – уровнем урбанизации, демографическими характеристиками, уровнем экономической активности (занятости, самостоятельности) населения и уровнем благополучия (благоустроенности) населения или территории[7].

Наконец, последний шаг – определение с помощью кластерного анализа основных групп регионов, близких как по политической "окраске" электоральных размежеваний, так и по степени социально-экономической и демографической обусловленности последних. В качестве данных для кластерного анализа использованы: средняя явка избирателей; корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию"; количество электоральных и политических размежеваний в каждом из регионов; доля каждого из электоральных размежеваний в общей дисперсии; модули коэффициентов корреляции между факторными нагрузками партий для первых четырех электоральных размежеваний[8] и для главных политических размежеваний; модули стандартизированных бета-коэффициентов из регрессионных моделей, выявляющих связи между первыми четырьмя электоральными размежеваниями и четырьмя основными факторами социальной стратификации.

2. ВЫБОРЫ 2012 г.

14 октября 2012 г. состоялись выборы в региональные собрания шести субъектов Федерации: Северной Осетии, Удмуртии, Краснодарского края, Пензенской, Саратовской и Сахалинской областей[9].

В половине этих регионов количество значимых электоральных размежеваний увеличилось: в Саратовской и Сахалинской областях – с двух до трех,

[7] Обоснование того, почему выбраны именно эти факторы, см. в [Коргунюк 2014].

[8] Пятое и шестое электоральные размежевания практически всегда отражают некий "белый шум", порождаемый неспособностью электората разобраться в пестроте партийных этикеток.

[9] Об общих результатах этих выборов см. [Кынев 2014; Шпагин 2014; Партийная реформа... 2015].

в Северной Осетии – с трех до пяти. Причем во всех упомянутых субъектах Федерации, кроме Пензенской области, количество политических размежеваний выросло с трех до четырех. Это могло произойти только вследствие расширения состава участников выборов за счет партий, не имеющих позиций по большинству вопросов актуальной повестки дня. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин "энтропии" избирательских предпочтений, а следовательно, и увеличения числа электоральных размежеваний.

К числу таких причин следует отнести также некоторое снижение интенсивности административной мобилизации голосов для партии власти. Об этом свидетельствует как падение явки, так и уменьшение доли первого электорального размежевания в общей дисперсии, которое, правда, оказалось не повсеместным (в Краснодарском крае и Пензенской области эта доля, наоборот, увеличилась).

Особенно заметно ослабел административный нажим на избирателя в Северной Осетии: здесь зафиксировано самое большое падение явки (с 83,23 до 44,83%), доля первого электорального размежевания в общей дисперсии уменьшилась, а само оно уже не может однозначно трактоваться как властно-общественное противостояние – это была скорее конкуренция между "Единой Россией" и "Патриотами России". В наибольшей степени с авторитарно-демократическим политическим размежеванием коррелировалось четвертое электоральное размежевание – между КПРФ и "Ассоциацией зеленых – Народной партией", с одной стороны, и "Единой Россией" и Российской экологической партией "Зеленые" – с другой. Но и это размежевание отражало скорее противостояние группировок региональных элит, чем партийных брендов.

Вместе с тем в республике заметно возросла степень социальной обусловленности электоральных размежеваний. Если в 2011 г. первое, властно-общественное, размежевание не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, то в 2012 г. противостояние между "единороссами" и "патриотами" отразило разницу в уровне урбанизации: "Патриоты России" получили наибольший процент голосов в сельских населенных пунктах, "Единая Россия" – в городах. И хотя у остальных электоральных размежеваний обусловленность факторами социальной стратификации отсутствовала, в целом усиление социальной обусловленности голосования в Северной Осетии было очевидным.

Все это вывело республику из самого "депрессивного" по уровню политической конкуренции кластера, поставив чуть ли не на одну ступень с Сахалинской областью, принадлежавшей на выборах 2011 г. к числу наиболее "продвинутых"[10]. Правда, в какой-то степени это сближение объяснялось повышением

[10] Напомним, что по итогам думских выборов 2011 г. среди регионов РФ было выделено пять кластеров. Наименее конкурентный из них составили республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия, – где реальная электоральная жизнь фактически полностью подменена бумажным "творчеством" избирательных комиссий. Далее идет кластер из четырех субъектов РФ (Мордовия, Марий Эл, Татарстан и Тюменская область), где, несмотря на полное доминирование административного ресурса, в городах еще оставались не погашенные до конца очаги сопротивления, породившие значительную дисперсию в голосовании за "Единую Россию". Третий кластер образовали 19 регионов (в частности, Пензенская и Саратовская области), в которых влияние административного ресурса было несколько слабее и оставляло место для второго электорального размежевания. Назовем этот кластер "малоконкурентным". Четвертый, наиболее усредненный по характеристикам кластер, составили 32 региона, в которых голосование в большей степени, чем в предыдущем кластере, зависело от выбора избирателя и обусловливалось социальными характеристиками последнего, – к этому кластеру принадлежат Удмуртия и, с некоторыми оговорками, Краснодарский край. Наконец, в пятый, самый конкурентный, кластер вошли 20 регионов, включая Сахалинскую область. Подробнее см. [Коргунюк 2014].

роли административного ресурса на выборах в Сахалинской области, проявившемся как в увеличении процента проголосовавших за "Единую Россию" (с 41,91 до 50,18%), так и в росте корреляции между явкой и голосованием за "партию власти" (с 0,177 до 0,763) – при общем падении явки и доли первого электорального размежевания в общей дисперсии. Это размежевание имело четкий властно-оппозиционный характер, однако в социальном плане было связано не с уровнем экономической активности (вторым по значимости фактором социальной стратификации), как в 2011 г., а с долей русского населения (седьмой фактор по значимости). Можно прийти к выводу, что власть, сделав ставку на низкую явку, не стала включать на полную мощность административный ресурс, а сосредоточилась на работе с "глубинкой", где доля русского населения в целом выше (в этом особенность многих районов Дальнего Востока: нерусское население составляют здесь по большей части приезжие, т.е. люди относительно активные и самостоятельные).

Правда, политически более осмысленным стало второе электоральное размежевание: если в 2011 г. модуль коэффициента корреляции между ним и социально-экономическим политическим размежеванием был невелик (0,278), то в 2012 г. модуль вырос до 0,485. При этом из обусловливающих данное электоральное размежевание факторов социальной стратификации исчез уровень урбанизации – остались только уровень экономической самостоятельности и уровень благоустроенности.

Зато именно уровень урбанизации стал предиктором для третьего электорального размежевания, имевшего слабо выраженную корреляцию все с тем же социально-экономическим политическим размежеванием – между долей недействительных бюллетеней и "Правым делом", с одной стороны, и "Патриотами России" и ЛДПР – с другой.

Можно считать, что на Сахалине второе электоральное размежевание выборов 2011 г. разделилось в 2012 г. на два, каждое из которых приобрело более явное политическое наполнение.

Неоднозначными оказались изменения в структуре электоральных размежеваний в Саратовской области. С одной стороны, там на 18% снизилась явка, несколько уменьшилась корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию", с двух до трех увеличилось число электоральных размежеваний. С другой стороны, если в 2011 г. первое электоральное размежевание зависело от уровня урбанизации, то в 2012 г. оно не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, а это означает, что доминирование "Единой России" обеспечивалось самым грубым методом – приписками.

Что касается второго электорального размежевания, то в 2011 г. оно выразилось в значительном разбросе доли недействительных бюллетеней, не имевшем отношения к социальной стратификации. В 2012 г. и второе, и третье электоральные размежевания имели очевидную социальную подоплеку: второе обусловливалось уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье – уровнем урбанизации. С идеологической точки зрения противостояние КПРФ и РПР-ПАРНАС, с одной стороны, и "Справедливой России", с другой (второе размежевание), или КПРФ и "Справедливой России", с одной стороны, и РПР-ПАРНАС и "Единой России", с другой (третье), интерпретируются плохо.

А вот в Удмуртии, Краснодарском крае и Пензенской области изменения по сравнению с 2011 г. были минимальными. Структура электоральных раз-

межеваний там осталось практически той же самой: во всех трех регионах первое размежевание имело властно-общественный характер, второе – преимущественно социально-экономический.

В Удмуртии явка снизилась на 19%, при этом корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию", напротив, увеличилась. Кроме того, политизировалось второе электоральное размежевание: в 2011 г. оно сводилось к колебаниям доли недействительных бюллетеней, в 2012 г. же представляло собой противостояние коммунистической и некоммунистической оппозиции – КПРФ и "Коммунистов России", с одной стороны, и "Патриотов России", "Справедливой России", "Яблока" и РЭП "Зеленые" – с другой.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то по сравнению с 2011 г. она сильно "обеднела". Тогда первое электоральное размежевание было связано сразу с тремя стратификационными факторами (уровень урбанизации, уровень экономической занятости и доля русского населения), второе – с двумя (уровень благоустроенности и доля русского населения). В 2012 г. первое электоральное размежевание зависело только от уровня урбанизации, второе – от доли русского населения. Подобное упрощение можно считать следствием "точечного" ужесточения административного ресурса: влиять было решено прежде всего на сельское, преимущественно удмуртское, население.

Интересны детали изменений, произошедших со структурой электоральных размежеваний в Пензенской области. В этом регионе доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии увеличилась с 75,9 до 82,5%. Изменилась и его социальная подоплека: в 2011 г. оно зависело от уровня урбанизации и национального состава населения, в 2012 г. – от уровня урбанизации и уровня благоустроенности.

При этом четкую политическую и социальную "окраску" приобрело второе электоральное размежевание. В 2011 г. оно проявилось только в разбросе доли недействительных бюллетеней и не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации. В 2012 г. его связь с социально-экономическим политическим размежеванием стала более выраженной – обозначилось, в частности, противостояние между ЛДПР и "Коммунистами России", с одной стороны, и "Яблоком" и Партией пенсионеров России – с другой. Появились у этого размежевания и социальные предикторы – демографические характеристики и уровень благоустроенности. Это также могло явиться следствием "точечного" административного давления на наименее защищенную часть населения.

Меньше всего изменилась ситуация в Краснодарском крае. Здесь, правда, существенно сократилась явка (на 25%) и снизилась корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию", однако суть происходящих процессов осталась прежней: первое электоральное размежевание все так же имело властно-общественный, а второе – "западническо-самобытнический" характер. Причем первое электоральное размежевание, как и в 2011 г., не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, второе же "обеднело": если в 2011 г. оно зависело и от уровня урбанизации, и от уровня благоустроенности, и от национального состава населения, то в 2012 г. – только от уровня урбанизации. Это свидетельство того, что административный нажим на избирателя в крае не только не ослабел, но, пожалуй, приобрел еще более грубую форму.

3. ВЫБОРЫ 2013 г.

8 сентября 2013 г. прошли выборы в законодательные собрания 16 регионов: Башкортостана, Бурятии, Калмыкии, Якутии, Хакасии, Чечни, Архангельской, Владимирской, Ивановской, Иркутской, Кемеровской, Ростовской, Смоленской, Ульяновской, Ярославской областей и Забайкальского края[11].

Количество значимых электоральных размежеваний в этих регионах варьировалось от двух в Чечне, Башкортостане, Кемеровской и Ростовской областях до шести во Владимирской области, политических – от двух в Хакасии и Кемеровской области до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях.

Поскольку число субъектов Федерации, где проходили выборы в региональные собрания, на этот раз довольно значительно, имеет смысл подвергнуть полученные данные не только факторному, корреляционному и регрессионному, но и кластерному анализу. Предварительно построенная дендрограмма показывает, что изученные случаи легко разбиваются на два, три и четыре кластера.

Разделение на два кластера сразу же отделяет от всех остальных регионов Чечню, Башкортостан и Кемеровскую область. Напомним, что по итогам выборов 2011 г. Чечня оказалась в наименее конкурентном кластере, а Башкортостан и Кемеровская область – в третьем с конца (там, где административный ресурс, несмотря на все давление, тем не менее оставляет место для второго электорального размежевания) [Коргунюк 2014]. В 2012 г. во всех трех регионах отмечена высокая явка, большая доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии и, наоборот, небольшая – второго. Число электоральных размежеваний нигде не превышало двух, а количество политических варьировалось от двух в Кемеровской области до трех в Чечне и Башкортостане. Все это свидетельствует о жестком административном контроле за всеми этапами выборного процесса в данных регионах.

Однако между этими случаями есть и существенные отличия. Так, только в Башкортостане второе электоральное размежевание носило ярко выраженный социально-экономический характер и заключалось в противостоянии между КПРФ и “Гражданской платформой”. В политическом пространстве Чечни и Кемеровской области размежевание между социал-патерналистами и либералами-рыночниками отсутствовало.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то в Башкортостане и Кемеровской области первое, властно-общественное, было связано с уровнем урбанизации (в Башкортостане еще и с уровнем благоустроенности), а в Чечне – с уровнем экономической активности. Второе размежевание в Кемеровской области зависело от уровня урбанизации, в Башкортостане – от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Чечне – от демографических характеристик и уровня благоустроенности.

Таким образом, в Башкортостане и Кемеровской области структура электоральных размежеваний не претерпела серьезных изменений, Чечня же шагнула из самой неконкурентной зоны почти в “середнячки”. Прежде всего, с 99 с лишним до 92,5% снизилась явка, с 99 до 86% – голосование за “Единую Россию”.

Более близкой к третьему, “малоконкурентному”, кластеру образца 2011 г. оказалась и структура размежеваний. Хотя на думских выборах в Чечне было

[11] Об общих результатах этих выборов см. [Партийная реформа... 2015; Golosov 2014; Kynev 2014].

выявлено три электоральных размежевания, а в 2013-м – только два, однако "многофакторность" 2011 г. объясняется исключительно мизерностью дисперсии (в пределах десятых долей процента), тогда как в 2013 г. конфигурация приняла если не "башкирские", то как минимум "кемеровские" очертания. Усилилась и связь электоральных размежеваний со структурой социальной стратификации: в 2011 г. оба первых электоральных размежевания были связаны с одним стратификационным фактором (первое – с уровнем экономической активности, второе – с демографическими характеристиками), в 2013 г. – с двумя (первое – с уровнем экономической самостоятельности населения и уровнем предпринимательской активности; второе – с уровнем телефонизации и уровнем оседлости населения). Впрочем, политическая конкуренция в республике повысилась с разрешения начальства – в качестве "подачки" Р. Кадырова тем или иным региональным партийным лидерам.

Второй большой кластер (13 регионов) делится на три подкластера.

В первый из них вошли Хакасия, Ивановская область и Забайкальский край. На выборах 2011 г. Хакасия входила в самый большой и самый "усредненный" по характеристикам кластер (второй по уровню политической конкуренции), Ивановская область и Забайкальский край – в наиболее конкурентный. На этот раз все три региона объединила относительно низкая явка, не очень большая доля первого электорального размежевания в общей дисперсии и относительно крупная доля второго. Во всех трех регионах присутствовало также третье электоральное размежевание, а в Ивановской области – даже четвертое.

Что же касается политических размежеваний, то в Хакасии их было всего два (из-за недопуска к выборам либеральных партий), в Забайкальском крае – три, а в Ивановской области – целых пять (из-за большого числа участников: всего к выборам было допущено 20 партий, 12 из которых набрали более 1%).

Есть и другие различия. В Ивановской области и Забайкальском крае зафиксирована высокая корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию", тогда как в Хакасии она была несущественной. Вообще первое электоральное размежевание в Хакасии мало напоминало классическое властно-общественное, выражающееся в противостоянии между "Единой Россией" и остальными участниками выборов. В целом оно заключалось в противостоянии между "Единой Россией" и "Коммунистами России", с одной стороны, и "Патриотами России", РЭП "Зеленые", Партией пенсионеров России и "Справедливой Россией" – с другой.

В Забайкальском крае второе электоральное размежевание имело четко выраженный социально-экономический характер, несмотря на то что фактически оно представляло собой противостояние между "Справедливой Россией", "Гражданской платформой" и РЭП "Зеленые", с одной стороны, и КПСС, с другой. А вот в Ивановской области более всего с противостоянием социал-патерналистов и либеральных рыночников коррелировалось четвертое электоральное размежевание: КПРФ и КПСС против "Яблока", "Справедливой России" и партии "Против всех", позиционировавшей свою платформу как либерально-консервативную.

Во всех трех регионах как минимум два первых электоральных размежевания обусловливались факторами социальной стратификации. Первое электоральное размежевание везде было связано с уровнем урбанизации, в Хакасии

и Ивановской области – также с уровнем инвестиций, в Забайкальском крае – с состоянием дорожной сети, освоенностью территории и уровнем бюджетной поддержки. Второе электоральное размежевание в Ивановской области и Забайкальском крае зависело от уровня урбанизации и уровня благоустроенности и дополнительно – в Ивановской области от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Забайкальском крае от уровня бюджетной поддержки; в Хакасии – от демографических характеристик. Наконец, в Хакасии и Ивановской области социально обусловленным оказалось также третье электоральное размежевание, а в Ивановской области – и четвертое.

Достаточно "конкурентным" можно считать и второй подкластер, состоящий из шести областей – Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской, Ульяновской и Ярославской. На выборах 2011 г. только один из этих регионов – Владимирская область – принадлежал к самому "конкурентному" кластеру, еще четыре – Архангельская, Иркутская, Смоленская и Ярославская области – к самому большому, "усредненному" (второму по уровню конкурентности), а Ульяновская область – и вовсе к третьему, "малоконкурентному".

В этих шести случаях зафиксированы низкая явка, большое количество электоральных размежеваний (в Ульяновской области – три, в Архангельской, Смоленской и Ярославской – четыре, в Иркутской – пять, во Владимирской – шесть) и почти такое же число политических (в Смоленской и Ульяновской областях – три, в Архангельской и Владимирской – четыре, в Иркутской и Ярославской – пять). Во всех регионах наблюдалась сильная корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию" при относительно небольшой доле первого электорального размежевания в общей дисперсии.

С другой стороны, связь между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим отнюдь не везде была ярко выражена – только в Смоленской и Ульяновской областях ее модуль приблизился к 0,7.

А вот с социально-экономическим политическим размежеванием были связаны только второе электоральное в Иркутской и Ульяновской областях, третье – в Смоленской и четвертое – в Архангельской.

Первое электоральное размежевание везде обусловливалось уровнем урбанизации, в Архангельской и Смоленской областях – также демографическими характеристиками, во Владимирской и Ярославской – уровнем экономической активности, в Ульяновской и Иркутской – демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Второе электоральное размежевание в трех регионах – Архангельской, Смоленской и Ульяновской областях – не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации. В Иркутской и Ярославской областях оно обусловливалось демографическими характеристиками и уровнем экономической активности, во Владимирской – только демографическими характеристиками.

Третье электоральное размежевание имело социальную подоплеку во Владимирской, Смоленской и Ульяновской областях, четвертое – только в Архангельской и Иркутской областях.

Наконец, в третий подкластер вошли четыре региона: Бурятия, Калмыкия, Якутия и Ростовская область. На выборах 2011 г. Бурятия, Якутия и Ростовская область входили в самый крупный, "усредненный", кластер, а Калмыкия – в "малоконкурентный".

Эти регионы объединили повышенный уровень явки (до 52,33% в Калмыкии), сильная корреляция между явкой и голосованием за "Единую Россию", а также "классическая" для России в целом структура электоральных размежеваний: первое электоральное размежевание – властно-общественное, второе – либерально-патерналистское (лишь в Калмыкии связь с социально-экономическим политическим размежеванием составила всего 0,275).

В целом же количество электоральных и политических размежеваний в этом кластере можно считать "средним по больнице": в Калмыкии и Якутии – три электоральных и столько же политических, в Бурятии – три электоральных и четыре политических, в Ростовской области – два электоральных и три политических.

Что касается социальной обусловленности, то в Ростовской области первое электоральное размежевание не зависело ни от одного из факторов социальной стратификации, в Калмыкии оно было связано с демографическими характеристиками, в Якутии – с уровнем благоустроенности, в Бурятии – с уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности.

Второе размежевание в Ростовской области обусловливалось уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической активности. В этом плане данный регион оказался очень похож на Краснодарский край в 2012 г. – там властно-общественное размежевание тоже не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, что свидетельствует о "ковровых" приписках в пользу "Единой России"; зато второе размежевание имело отчетливый социально-экономический характер и зависело от уровня урбанизации. В Калмыкии второе размежевание в 2013 г. было связано с уровнем благоустроенности, в Бурятии и Якутии – с демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Из тех регионов, где обнаружилось третье электоральное размежевание, только в Якутии оно проявило признаки социальной обусловленности.

В общем, именно этот кластер можно считать наиболее "усредненным", промежуточным между Чечней, Башкортостаном и Кемеровской областью и всеми остальными.

4. ВЫБОРЫ 2014 г.

14 сентября 2014 г. состоялись выборы в региональные собрания 14 субъектов Федерации: Республики Алтай, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Крыма, Марий Эл, Татарстана, Тувы, Хабаровского края, Брянской, Волгоградской и Тульской областей, Москвы, Севастополя и Ненецкого автономного округа[12]. Из подлежащих анализу следует сразу исключить Москву, поскольку выборы там проводились только по одномандатным округам.

В остальных 13 регионах количество электоральных размежеваний варьировалось от одного (Татарстан) до пяти (Республика Алтай), политических – от двух до трех. Введение сбора подписей для партий, не представленных в региональных парламентах, и общее ужесточение требований сказались прежде всего на политических размежеваниях – от участия в выборах отсекались в первую очередь либеральные партии, чье присутствие увеличивало возможность появления в политическом пространстве социально-экономического измерения.

[12] Об общих результатах этих выборов см. [Партийная реформа... 2015].

На этапе построения регрессионной модели, выявляющей связи между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией, из анализа пришлось исключить Крым, Севастополь и Ненецкий автономный округ: для первых двух субъектов отсутствуют сопоставимые с прочими регионами демографические и социально-экономические данные, а со статистикой НАО невозможно работать из-за слишком малого числа муниципальных образований.

Таким образом, кластерному анализу подверглись данные лишь 10 регионов. В итоге выявлены три кластера и два отдельных случая (Татарстан и Марий Эл).

В первый кластер вошли Республика Алтай и Брянская область. Напомним, что в 2011 г. оба эти региона входили в третий, "малоконкурентный", кластер. На этот же раз только в этих двух из рассматриваемых регионов имело место целых три политических размежевания. Что касается электоральных размежеваний, то в Республике Алтай их число было самым большим (пять), а в Брянской области – средним по России (три). Средней была и явка избирателей: 54,1% в Республике Алтай и около 50% в Брянской области. В остальном характеристики этих регионов существенно различались. Например, в Брянской области первое электоральное размежевание было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим, а в Республике Алтай оно не имело внятной политической интерпретации.

Зато в отличие от Брянской области, где не прослеживалось никакой связи между первым электоральным размежеванием и факторами социальной стратификации (явный признак грубого приписывания голосов "Единой России"), в Республике Алтай это размежевание оказалось обусловлено сразу и фактором урбанизации, и демографическими характеристиками. Демографические характеристики стали причиной и третьего электорального размежевания в республике – между "Яблоком" и отчасти "Справедливой Россией", с одной стороны, и "Единой Россией", с другой. Республика Алтай подтвердила репутацию региона, электоральная политика которого определяется клановыми противоречиями (каждый из "родовых" кланов связан с той или иной партией, отсюда и резкие перепады в голосовании за "Справедливую Россию" и мимикрирующую под нее "За справедливость").

В свою очередь, в Брянской области социально обусловленным оказалось второе электоральное размежевание (уровнем урбанизации и уровнем экономической занятости) – между "Гражданской платформой", Российской партией пенсионеров за справедливость и КПРФ, с одной стороны, и "Справедливой Россией", "Коммунистами России" и ЛДПР – с другой.

Второй кластер составили едва ли не самые проблемные в электоральном плане регионы страны – Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Тува. В 2011 г. первые два субъекта принадлежали к самому неконкурентному кластеру, а Тува – к третьему, "малоконкурентному". В 2014 г. явка везде была существенно выше средней – до 80,53% в Туве. Политических размежеваний везде по два, электоральных – два в Карачаево-Черкесии и по три в Кабардино-Балкарии и Туве. Во всех трех регионах первое электоральное размежевание носило выраженный "властно-общественный" характер.

Однако сами по себе эти цифры мало о чем говорят. Например, в Карачаево-Черкесии ни одно из электоральных размежеваний не обусловлено социально, а значит, в них отражались в лучшем случае предпо-

чтения руководства избирательных комиссий. Как и в 2011 г., Карачаево-Черкесия оказалась едва ли не самым "запущенным" в электоральном плане регионом.

В Кабардино-Балкарии социально обусловленным было только второе электоральное размежевание, не имевшее, впрочем, выраженного политического контекста: "Яблоко" и КПРФ противостояли ЛДПР.

В Туве же, напротив, все три электоральных размежевания были связаны с теми или иными факторами социальной стратификации: первое ("властно-общественное") – с уровнем урбанизации и уровнем предпринимательской активности, второе ("либерально-патриотическое" – РПР-ПАРНАС против остальных) – с уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье ("Справедливая Россия" против "Единой России", "Коммунистов России" и "Патриотов России") – с уровнем предпринимательской активности и уровнем экономической самостоятельности. В 2011 г. в республике наблюдались всего два электоральных размежевания, причем социально обусловленным (демографическими характеристиками) было только первое из них – "властно-общественное".

В третий кластер вошли Хабаровский край, Волгоградская и Тульская области. Политических размежеваний везде было по два, электоральных – четыре в Хабаровском крае и по три в двух других регионах. Во всех трех субъектах Федерации первое электоральное размежевание отчетливо коррелировалось с авторитарно-демократическим политическим размежеванием и было обусловлено социальными факторами.

Социально обусловленными везде оказались также второе и третье размежевания. Правда, с их политическим наполнением дело обстоит хуже: в Хабаровском крае ни то, ни другое не имело четких связей с политическими противостояниями, в Волгоградской и Тульской областях формально наблюдалась средневыраженная корреляция с системным размежеванием, но это было связано скорее с присутствием "Яблока" – единственной либеральной партии, допущенной в этих регионах к выборам.

Напомним, что на думских выборах 2011 г. все три региона входили в "усредненный" кластер. В 2014 г. они оказались самыми конкурентными.

Что касается двух особняком стоящих случаев, то Татарстан подтвердил репутацию региона с очень высокой явкой (80,36%), тесной связью между явкой и голосованием за "партию власти", единственным электоральным размежеванием отчетливо "властно-общественного" характера. Как и в 2011 г., это единственное электоральное размежевание было обусловлено сразу тремя факторами социальной стратификации: уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической занятости. Так что в этом регионе все осталось по-прежнему.

А вот в Марий Эл, принадлежавшей в 2011 г. к тому же, что и Татарстан, второму снизу по уровню конкуренции кластеру, произошли некоторые подвижки. Во-первых, здесь резко упала явка, во-вторых, появилось еще одно электоральное размежевание, имеющее связь с социально-экономическим политическим измерением и социально обусловленное демографическими характеристиками. При этом первое электоральное размежевание на этот раз, в отличие от 2011 г., было обусловлено одновременно и уровнем урбанизации, и уровнем предпринимательской активности. В общем, стоило властям

перестать усердствовать с обеспечением явки, и структура электоральных размежеваний в республике сразу приблизилась к общероссийской.

Заключение

Итак, если целью инициаторов партийной реформы 2012-2014 гг. было сбить избирателя с толку, то они своего добились. Разобраться, кто есть кто, трудно даже специалисту, что уж говорить о неискушенном избирателе. Увеличение числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно – рост количества электоральных размежеваний.

Если в части регионов и наблюдалось повышение уровня политической конкуренции, то не столько из-за допуска к выборам новых участников, сколько из-за ослабления нажима на зависимых от государства избирателей: власти уже не гнали на выборы всех поголовно, а ограничивались "точечным" давлением – в отдельных местах и на отдельные категории бюджетников.

Региональные выборы 2012-2014 гг. можно также считать опытным полем для обкатки новых (а точнее, подзабытых старых) подходов к обеспечению нужных для верхов результатов. Выборы показали, что этих результатов можно добиться не только "закручиванием гаек", но и их частичным ослаблением, связанным с допуском к выборам новых "спойлеров" и понижением явки.

Впрочем, во многих регионах власти и не думали менять тактику: там, где начальство не видело смысла отказываться от проверенных способов, оно продолжало их использовать.

К тому же в 2014 г. обозначилась четкая тенденция ужесточения требований к участникам выборов, и это сразу же дало свои результаты: уменьшилось число как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний. Однако общий тренд сохранился: регионы по-прежнему делились на те, где власти продолжали держать вожжи натянутыми, и те, где они их немножко отпустили. В первых не изменилось ничего, во вторых произошла не столько либерализация электоральной жизни, сколько выход на первый план межклановых противоречий, особенно очевидных в национальных республиках.

Коргунюк Ю.Г. 2013. Концепция размежеваний и факторный анализ. – *Полития*. № 3 (70). С. 31-61.

Коргунюк Ю.Г. 2014. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года. – *Полития*. № 3 (74). С. 75-91.

Кынев А.В. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009-2013: От партизации к персонализации*. М.: Панорама. 728 с.

Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции (под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой). 2015. М.: Товарищество научных изданий "КМК". 204 с.

Шпагин С.А. 2014. Выборы в законодательные собрания субъектов Российской Федерации 14 октября 2012 г. и динамика региональных партийных систем. – *Вестник Томского государственного университета*. № 380. С. 132-136.

Budge I. 1993. Issue Dimensions and Agenda Change in Postwar Democracies: Long-Term Trends in Party Election Programmes and Newspaper Reports in Twenty-Three Democracies. – Riker W. (ed.) *Agenda Formation*. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 41-81.

Clemente L. 2009. *Party System Stability in Latin America: A Comparative Study*. N.Y.: State University of New York at Albany. Manuscript.

Golosov G. 2012. The 2012 Political Reform in Russia: The Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections. – *Problems of Post-Communism*. 59 (6). P. 3-14. DOI: http://dx.doi.org/10.2753/PPC1075-8216590601

Golosov G. 2014. The September 2013 Regional Elections in Russia: The Worst of Both Worlds. – *Regional and Federal Studies*. Vol. 24. № 2. P. 229-241.

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139174725

Kitschelt H. 1995. Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies. – *Party Politics*. Vol. 1. No. 4. P. 447-472. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354068895001004002

Korgunyuk Yu. 2014. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia. – *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 15. No. 4. December. P. 401-415. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2014.881051

Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven, L. 368 p.

Moreno A. 1999. *Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy*. Boulder, CO: Westview Press. 205 p.

Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. 1994. Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections. – *Slavic Review*. No. 53(3). P. 711-732. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2501517

Stoll H.M. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Santa Barbara: University of California. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed 27.10.2014).

DOI: 10.17976/jpps/2015.04.09

THE 2012-2014 PARTY REFORM AND THE STRUCTURE OF THE ELECTORAL DIVIDES IN RUSSIA'S REGIONS

Yu.G. Korgunyuk[1]

[1]*INDEM Foundation. Moscow, Russia*

KORGUNYUK Yury Grigoryevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Department of Political Science of INDEM Foundation.
Email: partinform@mail.ru

Received: 01.11.2014. Accepted: 10.05.2015

Abstract. The article analyses the results of elections to regional assemblies by the proportional system in Russia in 2012-2014 from the point of view of the concept of electoral and political cleavages, which author has developed in his previous works. The author proposes methods for solving problems which appear because of not-coinciding number of contestants in various regions – this generates a different structure of electoral and political cleavages in there. The author also traces how the 'party reform' of 2012-14 has influenced the cleavage structure in Russian regions. He concludes that proponents of the reform reached their aim if they wanted to confuse voters, because the increasing number of contestants multiplied political dimensions and, as a consequence, increased a number of electoral cleavages. Higher level of political competition in some regions was conditioned not by the appearance of new actors but by weakening of the administrative pressure on voters. Author also argues that stricter requirements for contestants in 2014 have led to decreasing number of electoral and, especially, political cleavages, but Russian regions, as before, are divided into two groups: those where authorities continue to control hard the electoral process and those where weakening of this control have brought inter-clan conflicts to the fore.

Keywords: cleavage theory; electoral cleavages; political cleavages; political parties; party systems; elections; political processes in Post-Soviet Russia.

References

Budge I. Issue Dimensions and Agenda Change in Postwar Democracies: Long-Term Trends in Party Election Programmes and Newspaper Reports in Twenty-Three Democracies. – Riker W. (ed.) *Agenda Formation*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1993. P. 41-81.

Clemente L. *Party System Stability in Latin America: A Comparative Study*. N.Y.: State University of New York at Albany. Manuscript. 2009.

Golosov G. The 2012 Political Reform in Russia: The Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections. – *Problems of Post-Communism*. 59 (6). 2012. P. 3-14. DOI: http://dx.doi.org/10.2753/PPC1075-8216590601

Golosov G. The September 2013 Regional Elections in Russia: The Worst of Both Worlds. – *Regional and Federal Studies*. 2014. Vol. 24. № 2. P. 229-241.

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139174725

Kitschelt H. Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies. – *Party Politics*. 1995. Vol. 1. No. 4. P. 447-472. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354068895001004002

Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia. – *Perspectives on European Politics and Society*. 2014. Vol. 15. No. 4. December. P. 401-415. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2014.881051

Korgunyuk Yu.G. Regional Map of Electoral Demarcations on the Results of the Duma Elections in 2011. – *Politeia*. 2014. No. 3 (74). P. 75-91. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. The Concept of Demarcation and Factor Analysis. – *Politeia*. 2013. No. 3 (70). P. 31-61. (In Russ.)

Kynev A.V. Vybory regional'nykh parlamentov v Rossii 2009-2013: Ot partizatsii k personalizatsii [The Elections of Regional Parliaments in Russia 2009-2013: From Partisation to Personalization]. Moscow: Panorama. 728 p. (In Russ.)

Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven and L. 1999. 368 p.

Moreno A. *Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy*. Boulder, CO: Westview Press. 1999. 205 p.

Partiinaya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii (pod red. N.A. Borisova, Yu.G. Korgunyuka, A.E. Lyubareva, G.M. Mikhalevoi) [Party Reform and Counter-reform 2012-2014 Period: Preconditions, Preliminary Results, Trends (ed. by N.A. Borisov, Yu. Korgunyuk, A.E. Lyubareva, G.M. Mikhaleva). Moscow: KMK. 2015. 204 p. (In Russ.)

Shpagin S.A. Elections in Legislative Assemblies of Subjects of the Russian Federation on October 14, 2012 and the Dynamics of Regional Party Systems. – Tomsk State University Journal. 2014. No. 380 (2014), 132-136. (In Russ.)

Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections. – *Slavic Review*. No. 53(3). 1994. P. 711-732. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2501517

Stoll H.M. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Santa Barbara: University of California. 2004. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed 27.10.2014).